

The background of the cover is a detailed, painterly illustration. It depicts a fantastical scene where a young woman with long blonde hair, wearing a dark dress and boots, stands on a stone path. She is looking up at a large, ornate stone archway. Inside the archway is a glowing blue diamond-shaped portal. Above the archway is a large, circular, glowing blue orb with a complex, star-like pattern inside. The entire scene is set within a stone structure that is heavily decorated with various mechanical and magical-looking elements, including gears, pipes, and small, glowing spheres. The overall color palette is dominated by blues, greys, and earthy tones, with a touch of red from some flowers in the foreground.

Марина Баранцева

**Агата. Архитектор
реальности. Книга
17. Избушка на краю
себя**

18+

Марина Баранцева

**Агата. Архитектор реальности.
Книга 17. Избушка на краю себя**

«Автор»

2026

Баранцева М.

Агата. Архитектор реальности. Книга 17. Избушка на краю себя /
М. Баранцева — «Автор», 2026

За каждым фантастическим сюжетом всегда скрывается реальная женщина и её настоящая боль. Это история о глубоком психологическом кризисе и поиске себя. Внутри каждой из нас живут сотни разных ролей: Агата-Мать, которая разрывается ради ребенка и забывает о себе; Агата-Воин, которая устала вечно со всеми бороться; и еще множество выгоревших, уставших версий одной и той же женщины. Что делать, когда твоя привычная жизнь дает трещину, а внутренний мир рушится? Как собрать себя заново, заглянуть в самую глубь своей души и проработать прошлые травмы? Эта книга — терапевтическое погружение вглубь себя, где метафорические миры помогают решить абсолютно земные и понятные проблемы: выгорание, потерю ориентиров и поиск внутренней целостности. Глубокий психологический роман в жанре магического реализма. Доступен для чтения и прослушивания.

© Баранцева М., 2026

© Автор, 2026

Марина Баранцева

Агата. Архитектор реальности.

Книга 17. Избушка на краю себя

АГАТА. АРХИТЕКТОР РЕАЛЬНОСТЕЙ

Книга, в которой каждая трещина оказывается вратами

КНИГА ПЕРВАЯ. ФУНДАМЕНТ

Пролог. Избушка на краю себя

Тишина в избушке была не пустой – она дышала.

Это невозможно объяснить тому, кто не жил в лесу. Там, за окнами, где сосны упираются в небо, а мох стелется по земле так плотно, что кажется – сама земля решила одеться в зелёный бархат, – тишина всегда разная. Она бывает звонкой, как первый лёд на лужах. Бывает тягучей, как смола, текущая по коре. Бывает тревожной, когда даже птицы замолкают, чувствуя приближение грозы.

Но в избушке тишина была особенной.

Она дышала.

Тысяча невидимых вдохов и выдохов, и между ними – то самое пространство, где рождаются сны. Где границы между мирами истончаются до прозрачности. Где можно услышать, как растёт трава за тридевять земель и как плачет женщина, которая только что потеряла мужа в реальности, о существовании которой она сама не подозревает.

Центральная Агата сидела в кресле, которое помнило всё.

Это было старое, рассохшееся, но удивительно удобное кресло с высокими подлокотниками, стёртыми до блеска тысячами прикосновений. Когда-то, в самом начале, его сколотил Гвидон из той самой ветки, из первой, изначальной. Он тогда сказал: «Ты должна где-то сидеть, пока будешь за всем этим следить». И сколотил. И кресло приняло форму её тела так точно, будто росло вместе с ней все эти годы.

Пружины в нём давно сдались под тяжестью веков. Дерево потемнело и покрылось сетью мелких трещин – морщин, как у очень старого, очень мудрого лица. Но в этом и было его главное достоинство – оно приняло форму её усталости и стало не просто мебелью, а продолжением её самой.

Напротив неё, во всю стену, от пола до потолка, стояли сферы.

Их было столько, сколько дней в вечности.

Хрустальные, стеклянные, матовые и прозрачные, тёплые и холодные, большие – размером с человеческую голову, и маленькие – с горошину, которые можно разглядеть, только если подойти вплотную и прищуриться. Каждая горела своим светом. Не просто отражала – горела. Потому что внутри каждой билась жизнь.

Агата знала их все.

Не по именам – имён у большинства не было. Она знала их по свечению, по пульсу, по той особенной вибрации, которую чувствовала кожей, даже не глядя в их сторону.

Вон та, чуть мутная, с зеленоватым отсветом – Агата из ветки, где мать не болела семь лет, а ушла во сне. Просто легла однажды вечером и не проснулась. И та Агата до сих пор носит в себе лёгкую вину – за то, что не успела попрощаться. Хотя какая вина? Мать просто уснула. Но вина не спрашивает, есть ли у неё основания. Она просто есть.

А вон та, с тёплым, медовым свечением – Агата из ветки, где Злата заговорила в три года. Где не было долгих лет молчания, зимовок, школ, из которых приходится забирать посреди урока. Там другая Злата. Другая жизнь. Но Агата там – всё равно Агата.

А та, что пульсирует неровно, с перебоями, как сердце, которое вот-вот остановится, – Агата-Воин. Та, что стоит сейчас на краю Колодца Забвения и смотрит вниз, в темноту, где три дня назад исчез Гвидон.

Центральная чувствовала каждую. Каждую боль, каждую радость, каждую усталость. Как любят своих детей – не за то, какие они, а за то, что они есть.

Котофей дремал у неё на коленях.

Это был большой, пушистый, неопределённого цвета кот – в нём смешалось всё сразу: седина веков, рыжина закатов, чернота ночей и белизна первого снега. Шерсть его переливалась в мерцании сфер – серебро, смешанное с пеплом, золото, тронутое патиной времени.

Он мурлыкал.

Мурлыканье было ровным, глубоким, утробным – на той частоте, где стираются границы между сном и явью, между одной жизнью и другой. Это мурлыканье держало всю эту стену в равновесии больше, чем любые заклинания, больше, чем все карты Архитекторов, больше, чем сама воля Центральной.

Коты вообще не умеют колдовать. Это известный факт. Они просто присутствуют. И этого оказывается достаточно, чтобы миры не развалились на части.

– Красиво, – сказала Агата вслух.

Голос её был тихим, но в этой комнате даже шёпот звучал как признание. Слова здесь имели вес – не физический, а тот, другой, который не измерить никакими весами.

– Я иногда забываю, как это красиво.

– Ты это каждый день говоришь, – пробормотал Котофей, не открывая глаз.

Один его глаз всё-таки приоткрылся – жёлтый, с вертикальным зрачком, в котором отражались сразу все сферы разом. Миллион вселенных в зрачке одного кота. И ни одна не терялась.

– Сто лет уже. Пора бы запомнить.

– Каждый день по-разному красиво.

– А сегодня как?

– Сегодня... тревожно.

Кот вздохнул. Тяжело, по-человечески. Так вздыхают те, кто знает, что хороший сон сейчас прервётся и придётся работать.

– Тревножно – это по делу или просто так? Осеннее обострение? Луна не в той фазе? Или опять эта, как её... экзистенциальная тоска, от которой Леший лечится?

– По делу, Котофей. По очень серьёзному делу.

Она не успела объяснить.

Потому что в этот момент дальняя сфера – та, что стояла на самой верхней полке, укрытая пылью, которую не смахивали, кажется, со времён сотворения мира, – вдруг хрустнула.

Звук был тихий. Сухой.

Так ломается ветка глубоко в лесу, когда на неё наступает зверь, которого никто никогда не увидит. Так лопается лёд на реке, когда весна приходит слишком рано. Так трескается сердце, когда ему говорят правду, которую оно всегда знало, но отказывалось принять.

В этой комнате звук слышали все.

Все сферы разом. Все тысячи жизней. Все Агаты, спящие и бодрствующие, счастливые и отчаявшиеся, те, что варили зелья, и те, что стояли на краю.

На одно мгновение свет померк во всех сразу.

А потом зажётся снова – но уже иначе.

Котофей вскочил так резко, что шерсть его встала дыбом, превратив кота в огромный пушистый шар с двумя горящими глазами посередине. Из горла его вырвался звук – не мурлыканье, а низкое, предупреждающее рычание, какого Агата не слышала от него никогда.

– Твою ж за ногу, – выдохнул кот. – Опять?

– Что значит – опять? – Агата поднялась, чувствуя, как под лопатку впивается что-то острое и холодное – не физически, а той частью души, что была связана со всеми Агатами сразу.

– То и значит. – Кот запрыгнул на подоконник, чтобы быть ближе к сфере. – Было уже такое. Ты просто не помнишь. Или не хочешь помнить. Тысячу лет назад. Тоже трещина, тоже с верхней полки. Тогда мы потеряли сразу три ветки.

Агата смотрела на него, пытаясь понять – шутит он или нет. Но Котофей не шутил. В его жёлтых глазах плескалась древность. Та самая, которая помнила то, что Центральная, при всей её памяти, умудрилась забыть.

– Я не...

– Потом, – перебил кот. – Сначала – смотри.

Агата подошла к стене.

Сфера на верхней полке действительно дала трещину. Тонкую, но глубокую – от самого верха до самого низа. Как молния, застывшая в стекле. Как первая морщина на лице женщины, которая только что узнала, что время существует.

И сквозь эту трещину, сквозь мутное стекло, Агата увидела:

Агата-Воин стояла на краю Колодца Забвения.

Ветер рвал её волосы. Небо за её спиной было цвета старой стали – того самого металла, из которого куют мечи, чтобы потом хоронить их вместе с воинами. Она стояла на самом краю, и пальцы ног уже свешивались в пустоту. Внизу не было видно дна – только темнота, такая плотная, что, казалась, её можно резать ножом и она не расступится.

В руке Агата-Воин сжимала обломок родовой печати – тот самый, что когда-то скреплял древний договор между людьми и тем, что живёт в глубине Колодца. Теперь от печати осталась только половина. Вторая половина ушла в темноту вместе с Гвидоном три дня назад.

– Она собирается прыгнуть, – прошептала Центральная.

– А ты думала, она не прыгнет? – Котофей не оборачивался, но его голос звучал отчётливо, несмотря на рычащие нотки. – Она же Воин. Воины всегда прыгают. Это их профессиональная деформация. Видят бездну – сразу хочется проверить, что там.

– Не в этот раз.

– А кто ей помешает?

Агата смотрела на трещину.

Она росла.

Медленно, но неотвратно. Как полынья на весеннем льду. Как разрыв между двумя людьми, которые ещё вчера любили друг друга. Как понимание, которое приходит слишком поздно.

От трещины расходились в стороны тончайшие ответвления – как корни, как вены, как молнии на старом стекле. Они тянулись к соседним сферам. К тем, что были рядом. К тем, что могли заразиться этой болью, этим отчаянием, этим прыжком в никуда.

– Мы, – сказала она. – Мы ей помешаем.

Кот хмыкнул.

– Мы – это ты и я? Потому что если ты рассчитываешь на мою физическую форму, то я, между прочим, только что проснулся, не ел, и вообще я кот, а не спасатель МЧС.

– Мы – это не только мы.

В этот момент дверь избушки распахнулась без стука.

Не просто распахнулась – её словно выдуло мощным порывом ветра, хотя в лесу стояла полная тишина. Петли жалобно скрипнули, и этот звук прозвучал как точка в конце долгого предложения.

На пороге стоял Он.

Глава 1. Тот, кто всегда был рядом

На пороге стоял Он.

Высокий – настолько, что ему пришлось чуть пригнуться, чтобы не удариться головой о притолоку, хотя дверь в избушку была далеко не маленькой, строилась с запасом, как всё, что делал Гвидон. Худой – но не той болезненной худобой, от которой хочется накормить, а той, что бывает у людей, которые живут скорее мыслями, чем едой. Одежда на нём была странная – не здешняя, не лесная, но и не городская: длинный, тёмный, почти чёрный плащ, на котором не видно было ни пылинки, хотя дорога от границы Леса до избушки пыльная, особенно в сушь.

Но главными были глаза.

Они смотрели не на неё – или не только на неё. Они смотрели куда-то сквозь, на стену, на сферы, на карту, которую он видел там, где остальные видели только хаос. В его взгляде была глубина – не та, что пугает, а та, что зовёт. Как зовёт омут в жаркий день. Как зовёт дорога, по которой никогда не ходил. Как зовёт голос, который слышишь во сне и не можешь вспомнить, чей он.

В руках он держал не посох и не факел – плоский, тёмный кристалл размером с две ладони. Неправильной формы, будто обломок чего-то большего, но обработанный так тщательно, что каждая грань была идеально ровной. В глубине кристалла пульсировал ровный, синий свет.

Не огонь – дыхание.

Не магия – математика.

Не чудо – архитектура.

– Здравствуй, Агата, – сказал он.

Голос его был тихим, но в нём слышался шум всех ветров всех миров сразу. Не громко, а именно что слышался – где-то на грани восприятия, там, где обычное ухо слышит только тишину, а чуткое – дыхание вечности.

– Здравствуй, Центральная. Я думал, ты позовёшь меня раньше.

– Здравствуй, Архитектор, – ответила она, не оборачиваясь.

Она всё ещё смотрела на трещину, которая замерла, но не исчезла. Синий свет из кристалла уже метнулся к ней, обволок, застыл тонкой плёнкой, но сама трещина никуда не делась – тонкая белая линия на идеально гладкой поверхности.

– Я ждала, когда ты сам поймёшь, что пора.

– Понял.

Он шагнул через порог.

И в этот миг Котофей, который всё ещё стоял на подоконнике с вздыбленной шерстью, вдруг выдохнул – длинно, шумно, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Шерсть его медленно опустилась, приняв обычное положение. Глаза из круглых снова стали чуть прищуренными, ленивыми.

– А, это ты, – сказал кот таким тоном, будто Архитектор был старым знакомым, который заходит раз в тысячу лет и всякий раз не вовремя. – А я уж думал, кто-то важный. Шерсть зря поднял.

– Здравствуй, Котофей, – Архитектор улыбнулся одними уголками губ. – Всё такой же пушистый.

– Всё такой же. А ты всё такой же... высокий. И худой. Тебя там вообще кормят, в твоих пространствах между мирами?

– Там не едят.

– Дурацкое место. – Котофей прыгнул с подоконника и деловито направился к своей миске, стоявшей в углу. – Я бы там не выжил. Мне сметана нужна минимум раз в день.

Он сунул нос в миску, понюхал, брезгливо чихнул.

– Пусто. Агата, тут пусто. Я же просил пополнить стратегические запасы.

– Потом, Котофей.

– Когда потом? Когда миры рухнут, и сметану будет негде взять? Отличная стратегия.

Архитектор тем временем подошёл к стене. Движения его были плавными, почти неведомыми – так движется тот, кто привык существовать в пространстве между мирами, где нет гравитации, но есть направление. Где нет времени, но есть последовательность.

Он провёл рукой по воздуху перед треснувшей сферой – не касаясь, просто повёл ладонью, и синий свет из кристалла послушно повторил движение, плотнее обволакивая трещину.

– Это только временно, – сказал он.

– Я знаю.

– Лабиринт схлопывается. Их слишком много, и связи между ними стихийны. Как лес, который рос сам по себе тысячу лет, без садовника, без плана, без карты. Красиво, но опасно. Рано или поздно одна из Агат, переживающая самый сильный всплеск, прорвёт мембрану.

– И что?

– Представь: Агата, которая только что потеряла мать, вдруг окажется в реальности, где мать жива и печёт пироги. Не призраком. Не сном. С собой. Плотью. Кровью. Болью.

Агата молчала.

Она уже представляла.

Она всегда это представляла. Каждую ночь, засыпая в кресле под мурлыканье Котофея, она видела эти встречи. Видела, как две Агаты смотрят друг на друга – одна счастливая, другая раздавленная. Видела, как счастливая начинает бояться – ведь счастье так хрупко, если знаешь, что его можно лишиться. Видела, как раздавленная начинает ненавидеть – свою жизнь, свою судьбу, себя.

– Это сломает обеих, – сказала она наконец.

– Именно. – Архитектор повернулся к ней. В синем свете кристалла его лицо казалось высеченным из камня, но глаза оставались живыми. – Потому что та, у которой мать жива, увидит, что могла бы её потерять. И начнёт бояться. Каждую минуту. Каждое мгновение. Бояться так, что счастье превратится в пытку. А та, которая потеряла, увидит, что могла бы не терять. И начнёт ненавидеть свою реальность. А ненависть к своей реальности – это единственный грех, который не прощается.

– Кем не прощается?

– Жизнью. Жизнь не прощает тех, кто от неё отказывается.

Агата наконец обернулась и посмотрела на него в упор.

Впервые за весь разговор – посмотрела прямо, не на стену, не на сферы, не на трещину. На него.

– Что предлагаешь?

Архитектор посмотрел на неё.

В его глазах не было ответа. Был вопрос, обращённый к ней самой. Был лес, в котором она заблудилась много лет назад. Была дорога, по которой она никогда не ходила. Было то, что она всегда знала, но боялась назвать.

– Я могу построить карту, – сказал он. – Проложить коридоры. Укрепить границы. Сделать так, чтобы они могли видеть друг друга, но не могли коснуться. Чувствовать, но не заражаться болью.

– Это возможно?

– Всё возможно. Вопрос не в возможности. Вопрос в цене.

– Какая цена?

– Время. Внимание. Силы. Твои. Мои. Кота. Всех, кто здесь. И главное – их согласие. Они должны захотеть увидеть. Должны быть готовы.

Агата смотрела на стену.

На сотни жизней, запертых в хрустале.

На ту, что стояла на краю Колодца и собиралась прыгнуть. Агата-Воин. Та, что потеряла Гвидона и теперь искала его в темноте.

На ту, что сидела у постели умирающей матери. Агата-Дочь. Та, что не успела сказать главного.

На ту, что учила Злату рисовать солнце. Агата-Мать. Та, что растворилась в дочери, как сахар в чае – до полной невидимости.

На ту, что спорила с Гвидоном о дровах. Агата-Жена. Та, что забыла, что когда-то была просто женщиной.

На ту, что просто спала, уткнувшись носом в пушистый бок Котофея. Агата-Себе. Та, которую она почти не знала.

– Есть ещё одна, – сказал вдруг Котофей.

Он сидел у своей пустой миски и смотрел на стену. В его взгляде не было кошачьей лени – только древняя, тяжёлая мудрость.

– Какая? – спросила Агата.

– Вон та. – Кот махнул хвостом в сторону нижнего яруса, где в самом углу, почти незаметная, теплилась сфера с неровным, каким-то дерзким свечением. – Я её давно приметил. Она не такая, как другие.

– Чем не такая?

– Она смеётся. Часто. Иногда над тем, над чем смеяться вроде не положено. Я как-то заглянул – чисто случайно, грел просто – а она сидит на крыльце, дождь льёт, крыша течёт, а она хохочет. Говорит: «Ну надо же, опять протечка. В прошлый раз слева текла, теперь справа. Прогресс!»

Агата невольно улыбнулась.

– Агата-Хохотушка?

– Типа того. – Кот облизнул лапу. – Думаю, она нам пригодится. Когда всё станет совсем плохо – а станет, я нюхом чую, – такие нужны. Чтобы напомнить: даже в конце света можно найти повод для смеха. Хотя бы над тем, как глупо всё устроено.

Архитектор посмотрел на ту сферу. В его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

– Ты прав, – сказал он. – Она нужна. Но не сейчас. Сначала – фундамент.

– Что нам делать прямо сейчас? – спросила Агата.

– Для начала – понять, кто есть кто. У каждой Агаты – свой код. Своя песня. Своя боль. Своя сила. Мы не можем лечить их всех. Но мы можем дать им карту. Чтобы они сами нашли дорогу домой.

– Домой – это куда?

– К себе.

Слово повисло в воздухе.

К себе.

Агата почувствовала, как внутри что-то откликнулось. Тихо, но откликнулось.

– С чего начнём? – спросила она.

– С фундамента, – Архитектор подошёл к стене и провёл рукой по нижнему ярусу. – Прежде чем вызывать Агат, нужно понять, на чём держится этот лес.

– На чём?

– На тех, кто не Агаты. На тех, кто любит их во всех ветках сразу. На тех, чья любовь – это гравитация.

– Гвидон?

– Гвидон. И не только.

Он указал на нижний ярус, где сферы светились ровно, спокойно, без вспышек и надрыва.

– Смотри. Это те, кто держит.

Котофей подошёл ближе, встал на задние лапы, опершись передними о край нижней полки.

– Гвидон я знаю, – сказал он. – Хороший мужик. Тяжёлый, правда, когда на колени садится, но характером вышел. А эти кто?

– А эти – его продолжение. – Архитектор указал на сферу, где в полуподвале старый дом Фил сидел перед камнем с печатью. – Фил, ищущий отца.

Рядом пульсировала сфера Зои – ярко, беспокойно, как светлячок, который никак не может усидеть на месте.

– Зоя, проверяющая границы.

И сфера Лёвы – тусклая, ровная, как свеча в самом защищённом месте.

– Лёва, чувствующий за всех.

Агата смотрела на эти четыре сферы и вдруг увидела то, чего не замечала раньше. Тонкие, почти невидимые нити тянулись от них вверх, к каждой Агате, к каждой ветке, к каждой жизни.

– Они как корни, – сказала она.

– Они и есть корни, – подтвердил Архитектор. – Дерево без корней падает. Лес без почвы умирает. Агаты без них – просто картинки в хрустале.

– А мы? – Котофей почесал задней лапой за ухом. – Мы с тобой, Агата, мы кто в этой системе?

Центральная посмотрела на Архитектора.

Тот улыбнулся – впервые за всё время улыбнулся открыто, не одними уголками губ.

– Вы – садовники, – сказал он. – Которые поливают, пропалывают и иногда разговаривают с цветами. Даже когда цветы не слышат.

– Я не разговариваю с цветами, – фыркнул Котофей. – Я их ем. Некоторые. Которые мята.

– Тоже форма ухода.

– Ладно, – Агата глубоко вздохнула, чувствуя, как в груди разливается непривычное тепло – не страх, не надежда, а просто принятие того, что пути назад нет. – Что дальше?

– Дальше – тишина, – сказал Архитектор. – Я должен войти в кристалл. Увидеть код каждого из них. Понять, как их любовь держит эту конструкцию. Это займёт время.

– Сколько?

– Не знаю. Время там, – он указал на кристалл, – течёт иначе.

– А нам что делать? – Котофей зевнул, демонстрируя клыки, которые могли бы принадлежать существу покрупнее кота. – Опять греть?

– Опять.

– Я так и знал. – Кот тяжело вздохнул и направился к Архитектору. – Запрыгивать?

– Если не сложно.

– Мне всегда сложно. Я же кот. Нам всё сложно, кроме еды и сна. Но ради такого дела...

Он запрыгнул Архитектору на колени, несколько раз переступил лапами, устраиваясь поудобнее, и закрыл глаза.

Через минуту его мурлыканье заполнило комнату – ровное, глубокое, на той частоте, где стираются границы между сном и явью, между одной жизнью и другой, между тем, что было, и тем, что только будет.

Центральная Агата села в своё кресло и стала ждать.

Стена молчала.

Трещина на верхней полке замерла под слоем синего света.

Где-то внизу, в сфере с неровным дерзким свечением, Агата-Хохотушка, кажется, опять над чем-то смеялась.

А в комнате было тихо.

Тихо, как бывает только перед бурей.

Глава 2. Диагноз системы

Время в избушке текло иначе.

Центральная Агата знала это всегда – с того самого дня, как впервые села в это кресло и поняла, что часы здесь бесполезны. Их стрелки могли стоять на месте сутками, а могли вращаться как бешеные за одну короткую мысль. Время измерялось не тиканьем, а дыханием сфер. Их ровным, глубоким пульсом, который был то быстрее, то медленнее – в зависимости от того, что происходило в тысячах жизней сразу.

Сейчас время текло особенно странно.

Архитектор сидел на полу, скрестив ноги, с закрытыми глазами. Кристалл перед ним пульсировал ровным синим светом – вдох-выдох, вдох-выдох, как сердце огромного невидимого зверя. Котофей на его коленях мурлыкал не переставая, и это мурлыканье проникало во все углы комнаты, во все сферы, во все миры.

Агата смотрела на стену и ждала.

Она не знала, сколько прошло времени. Может, час. Может, день. Может, тысячелетие. Она только чувствовала, как внутри неё самой что-то меняется – медленно, неотвратно, как меняется русло реки под напором весенней воды.

Иногда она вставала, подходила к окну, смотрела на лес. Там было темно – или светло? Она перестала различать. Лес за окном тоже был частью этого места, тоже подчинялся другим законам.

Иногда она подходила к печи, подбрасывала дрова. Печь горела ровно, не требуя внимания, но руки просили дела.

Иногда она просто сидела и смотрела на Архитектора.

Кто он?

Она знала его всегда. Но всегда – на периферии зрения. Как знают ветер, который дует в спину. Как знают тишину, которая приходит после долгого разговора. Как знают ту часть себя, которая наблюдает, пока остальные части живут.

Он был в каждой её ветке.

В той, где мать не пила, – он был тихим утром, когда она просыпалась и чувствовала, что всё будет хорошо.

В той, где мать пила, – он был той самой трещиной, через которую уходила боль.

В той, где Злата заговорила в три года, – он был первым словом дочери.

В той, где Злата не заговорила никогда, – он был молчанием, в котором они понимали друг друга без слов.

В той, где Гвидон исчез в Колодце, – он был последней мыслью перед тем, как шагнуть в темноту: «Кто-то же должен знать, что я его любила».

Он был везде.

Но где его дом?

– Ты думаешь о нём, – раздался вдруг голос Котофея.

Агата вздрогнула. Кот не открывал глаз и не прекращал мурлыкать, но голос его звучал отчётливо – как будто он научился говорить прямо сквозь мурлыканье.

– Я чувствую. У тебя пульс участился. И дыхание сбилось. Я же кот, я всё чувствую.

– Я всегда о нём думаю, – ответила Агата тихо. – Просто не всегда осознаю.

– А сейчас осознала?

– А сейчас он здесь. Сидит. Ты у него на коленях.

– Удобные колени, – заметил кот. Шерсть его чуть шевельнулась – он явно устраивался поудобнее даже во сне. – Не то что твои – костлявые. У него широкие, надёжные. На таких и вечность просидеть можно.

– Ты просидишь?

– А куда я денусь. Работа у меня такая – греть. Между прочим, самая важная работа во всей мультивселенной. Без меня вы бы все давно замёрзли и развалились. Я же не просто шерсть, я – частота.

– Частота?

– Ну да. Каждая реальность звучит на своей ноте. Если ноты не совпадают, начинается диссонанс. Сферы трескаются. Агаты сходят с ума. А я беру и мурлыкаю так, чтобы всё это звучание сложилось в аккорд. Как дирижёр, только пушистый и со сметанными усами.

Агата улыбнулась.

– Ты у меня самый умный кот.

– Самый умный кот во всех мирах, – поправил Котофей. – Не забудь указать это в моей характеристике, если будешь кому рассказывать.

– Обязательно.

– И про сметану не забудь. Это ключевой пункт.

– Про сметану помню.

Они помолчали. Мурлыканье заполняло комнату ровным, глубоким гудением.

– Агата, – сказал вдруг кот совсем другим тоном – без обычной ленивой насмешки.

– М?

– Ты боишься?

Она задумалась.

– Не знаю, – ответила она честно. – Я, кажется, разучилась бояться. Когда смотришь на всё это тысячи лет, страх притупляется. Остаётся только... ответственность.

– А зря. Страх – полезная штука. Он помогает не делать глупостей.

– Каких, например?

– Например, не брать на себя слишком много. Не думать, что ты одна можешь всё починить. Не забывать, что у тебя есть мы.

Агата посмотрела на кота.

Он лежал с закрытыми глазами, но в его голосе было столько тепла, что у неё вдруг защипало в носу.

– Ты прав, – сказала она. – У меня есть вы.

– Вот именно. И Архитектор этот... – Котофей повёл ухом в сторону сидящей фигуры.

– Тоже теперь с нами. Надолго ли?

– Навсегда, наверное.

– Навсегда не бывает. Даже у котов навсегда не бывает, а мы, между прочим, мастера по части вечности. Но пока он здесь – уже хорошо.

А потом стена засветилась.

Не все сферы сразу. Сначала – одна. Потом другая. Потом десяток. Потом сотня.

Они пульсировали в такт мурлыканью Котофея – и Агата вдруг поняла, что кот не просто греет. Он настраивает. Каждой реальности – свою частоту. Чтобы они не мешали друг другу, но слышали. Чтобы они не сливались, но знали о существовании соседа.

Синий свет из кристалла Архитектора потянулся к стене тонкими нитями, вплетаясь в это свечение, дополняя его, структурируя.

– Готова? – голос Архитектора был тихим, но отчётливым.

– Да.

– Тогда смотри.

Стена ожила.

Из каждой сферы потянулись нити – не синие, не золотые, а всех цветов сразу. Тончайшие, почти невидимые, они сплетались в воздухе, образуя сложнейшую паутину, карту, которой не мог бы нарисовать ни один маг, ни один художник, ни один безумец. Потому что эта карта была живой. Она дышала. Она пульсировала. Она думала.

– Это Лабиринт, – сказал Архитектор, не открывая глаз. – Все ветки. Все Агаты. Все связи.

– Здесь есть те, кто потерялся?

– Есть. Но не здесь. Теряются не на карте. Теряются в головах.

Агата смотрела на это сплетение нитей и вдруг увидела то, чего не замечала раньше.

В центре карты, там, где сходились тысячи нитей, была пустота.

Не чёрная, не страшная – просто пустота. Как будто все дороги вели куда-то, но в самом центре никого не было.

– Что это? – спросила она.

Архитектор открыл глаза.

Посмотрел туда, куда она указывала.

И надолго замолчал.

– Это ты, – сказал он наконец. – Или не ты. Или место, где должна быть ты. Я не понимаю.

– Как это – не понимаешь? Ты же Архитектор. Ты видишь код всего.

– Я вижу код всего, кроме одного. – Он поднялся, стряхивая кота, который недовольно мявкнул, но с коленей не слез – просто повис на нём, как меховая наплётка. – Кроме тебя, Центральная. Ты – единственная, кто не вписывается в эту карту. Потому что ты – не ветка. Ты – центр. А центр нельзя нарисовать. Центр можно только чувствовать.

– И что это значит?

– Это значит, что ты не просто смотришь на Лабиринт. Ты – его часть, но часть особенная. Ты – та, кто держит нити. Без тебя они рассыплются.

Агата смотрела на пустоту в центре карты и чувствовала, как внутри поднимается что-то древнее – не страх, не надежда, а просто принятие того, что пути назад нет.

– Что нам делать? – спросила она.

– Для начала – понять, кто есть кто. У каждой Агаты – свой код. Своя песня. Своя боль. Своя сила. Мы не можем лечить их всех. Но мы можем дать им карту. Чтобы они сами нашли дорогу домой.

– Домой – это к себе?

– Да. К себе настоящей. К той, что скрыта под слоями долженствований, страхов, обид и надежд.

Котофей, наконец, соизволил слезть с колен Архитектора и теперь сидел на полу, задрав голову к стене.

– Красиво, – сказал он. – Я, конечно, и раньше знал, что вы все – одна, но чтобы так... Это ж надо. Тысячи жизней, и все – ты. Агата. Одна на всех. Как такое возможно?

– А ты как думаешь? – спросил Архитектор.

– Я думаю, что это выше моей кошачьей компетенции. Я в таких вопросах только мурлыкать могу. И сметану есть. А разбираться – это к вам, людям.

– Ты не просто кот, Котофей. Ты – частота.

– Частота, которая хочет есть. – Кот демонстративно направился к своей миске. – Там опять пусто, кстати.

– Сейчас не до сметаны, – сказала Агата.

– Для кота всегда до сметаны. Но ладно, так уж и быть, потерплю. Ради спасения мультивселенной.

Архитектор подошёл к стене вплотную.

– С чего начнём? – спросила Агата.

– С фундамента, – ответил он. – С тех, кто держит. Гвидон, Фил, Зоя, Лёва. Пока мы не поймём, как работает их любовь, мы не сможем укрепить ни одну ветку.

– А потом?

– А потом – Агаты. Те, кто готов. Те, кто не боится смотреть в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.